

АННА ВЕТРОВА

ЗВОН СО ДНА

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Анна Ветрова
ЗВОН СО ДНА

«Автор»

2026

Ветрова А.

ЗВОН СО ДНА / А. Ветрова — «Автор», 2026

Этой осенью Рыбинское водохранилище обмелело так, как не мелело восемьдесят лет. Из-под воды вышло затопленное село Ильинский Погост: мощёная улица, фундаменты домов, старое кладбище и белая церковь посреди отмели. Утром у её паперти находят мёртвым старого учителя, хранителя деревенского музея. А накануне ночью вся деревня слышала, как со дна трижды ударил упавший в сорок первом колокол. Местные говорят: Илья звонит перед смертью. Следователь Егор Вершинин, сосланный в районную глушь за строптивый характер, не верит ни в звонящие колокола, ни в утопленницу, которая бродит по воде в белом. Но его бабушка родилась в этом селе и всю жизнь рассказывала ему про звон со дна. А реставратор Вера, которая первой заметила, что иконы в музее подменены, сама оказывается под подозрением. Колокол зазвонит снова. В стене затопленной церкви ждёт своего часа замурованная в 1937 году чудотворная икона. С востока идёт шторм, и вода возвращается. Мистический детектив о затопленной Мологе, где у почти...

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анна Ветрова

ЗВОН СО ДНА

Глава 1

Телефон зазвонил в семь пятьдесят утра, в воскресенье, и Егор Вершинин понял, что это не к добру, ещё до того, как взял трубку. В Брейтове по воскресеньям никто никому не звонил в такую рань. В Брейтове по воскресеньям вообще ничего не происходило: за десять дней командировки Егор успел в этом убедиться.

– Вершинин, – сказал он.

– Товарищ майор, дежурный Лопатин. Тут из Затопья звонили. Участковый Сомов. У них утопленник.

– Утопленник – это к полиции.

– Сомов говорит – не просто утопленник. У него голова пробита. И это Голованов. Пётр Ильич. Который музей.

Егор сел на кровати. Гостиничный номер на втором этаже районной гостиницы «Моложане» был узким, как пенал, с обоями в мелкий цветочек и видом на автостанцию. За окном шёл мелкий серый дождь.

– Подполковник Гусев в курсе?

– Подполковник Гусев в Ярославле до понедельника. Сказал, раз вы у нас по особо важным – вам и ехать.

Егор усмехнулся. Особо важные. Его прислали в Брейтово «на усиление» после того, как он на совещании в областном управлении сказал заместителю руководителя всё, что думал о прекращённом деле по пожару в Тутаеве. Усиливать здесь было некого и нечего: две кражи, драка у клуба, браконьеры. Егор понимал, что это ссылка. Ссылку обещали на месяц. Десять дней прошли.

– Сколько до Затопья?

– Двадцать пять километров. Только дорога, товарищ майор... Вы на своей поедете? Не надо на своей. Сомов сказал – он вас на повороте у Прозорова встретит на УАЗе. После Прозорова на легковой не пройти.

Через сорок минут Егор уже трясся по раскисшей грунтовке в старом серо-зелёном УАЗе. Свою серую «Октавию» он оставил у магазина в Прозорове: Сомов посмотрел на неё, вздохнул и сказал, что дальше её придётся тащить трактором.

Участковый был невысоким, плотным, с седыми усами, в форменной куртке поверх свитера. Руки у него были большие, красные, рыбацкие. Он вёл машину молча, объезжая ямы с бурой водой, и только на середине дороги сказал:

– Пётр Ильич меня в пятом классе учил. Историю. Двойку ставил за Куликовскую битву.

– Давно вы его знали.

– всю жизнь. – Сомов помолчал. – Его все всю жизнь знали.

– Что случилось?

– Лёха Кривцов нашёл. Рыбак наш. Утром сети проверял – там, у церкви. Позвонил мне в семь сорок две. Пётр Ильич лежит на ступеньках паперти, лицом в воду. Воды там – сантиметров сорок у нижней ступеньки. А на затылке рана. Я его не трогал. Только пульс проверил. Холодный уже. Я там Лёху оставил, чтоб никто не подходил.

– На ступеньках паперти? – переспросил Егор. – Церковь же затоплена.

Сомов посмотрел на него искоса.

– Вы не здешний, товарищ майор.

– Ярославский.

– Тогда сейчас увидите.

Дорога вынырнула из леса, и Егор увидел.

Водохранилище лежало впереди серой бескрайней равниной, сливаясь на горизонте с таким же серым небом. Но берег был не там, где ему полагалось быть. Вода отступила далеко, на сотни метров, обнажив широкую полосу бурого ила, песка, мокрых коряг и чего-то ещё – чего-то, что Егор не сразу понял. Прямоугольники. Ряды тёмных прямоугольников, уходящих от берега в воду. Фундаменты. Кирпичные и каменные фундаменты домов, выступающие из ила на полметра, на метр. Между ними тянулась светлая полоса – дорога. Старая мощёная дорога, булыжник которой блестел под дождём. Она уходила от берега прямо в водохранилище, как будто приглашала идти по ней.

А в конце дороги, далеко, в шестистах метрах от берега, из воды поднималась церковь.

Белая, облупленная, без куполов, с пустыми чёрными окнами. Рядом с ней – колокольня, высокая, узкая, с проломленной крышей. Обе стояли посреди серой воды, как два корабля, севшие на мель. Только сейчас под ними была не вода, а земля. Мокрая, бурая, вязкая земля.

Егор смотрел и не мог отвести глаз.

– Ильинский Погост, – сказал Сомов. – Село было. Его в сорок первом затопили, когда плотину в Рыбинске закрыли. Две тысячи человек выселили. Дома кто разобрал и увёз, кто сжёг. Церковь не тронули – не успели или не захотели. Так и стоит. Обычно вода у неё до окон. Туристы на лодках приезжают фотографировать. А в этом году лето сухое, осень сухая, воду с плотины сбрасывают – вот и вылезло всё. Такого со времён затопления не было. Старики говорят – в семьдесят втором так же было, но меньше. А сейчас вон – вся деревня наружу. И кладбище.

– Кладбище?

– Вон там, правее. Кресты, плиты. Где не смыло.

Егор вспомнил. Вспомнил так отчётливо, что на секунду перестал слышать мотор УАЗа.

Бабушка. Анна Степановна Вершинина, урождённая Кузнецова. Маленькая, сухая, в синем платке, на кухне в их ярославской хрущёвке. Она пекла пироги с капустой и рассказывала, а он, восьмилетний, сидел на табуретке и слушал. «Я из Ильинского Погоста, Егорушка. Из-под воды. Нас в сорок первом выселили, мне десять лет было. Мамка плакала, а мы с братом радовались – в город едем. А ночью, последней, колокол звонил. Его снимали, а он сорвался. Упал в воду. Как будто сам прыгнул. И потом, все годы, говорили – он звонит со дна. Перед бедой. Перед смертью. Кто услышит звон со дна – того вода к себе зовёт».

Бабушка умерла семь лет назад. Он так и не съездил с ней посмотреть на её затопленное село. Она просила, а он всё откладывал. Работа.

– Товарищ майор?

– Да. Едем.

Затопье оказалось длинной деревней, вытянутой вдоль высокого берега: сотня домов, половина заколочена, вторая половина – крепкие, крашенные, с огородами и сараями. В центре – магазин, клуб, старое двухэтажное здание из красного кирпича с вывеской «Музей Мологского края». На северном краю, у самого обрыва, за новым забором из сосновых досок, – большой бревенчатый дом с резными наличниками, несколько домиков поменьше и вывеска с затейливыми буквами: «Мологская пристань. Гостевой дом. Рыбалка. Баня. Экскурсии».

Сомов остановил УАЗ у большого деревянного креста на краю обрыва. Крест был новый, из тёмного дуба, с табличкой: «Жителям Мологского края, покинувшим родные места. 1941–1947».

У креста стояли люди. Человек пятнадцать: женщины в куртках и платках, двое мужиков в камуфляже, несколько стариков. Они молчали и смотрели вниз, на косу, на церковь. Когда УАЗ остановился, они обернулись.

– Расходимся, расходимся, – сказал Сомов, вылезая. – Нечего тут. Никто не разошёлся.

Вниз с обрыва вела деревянная лестница. От лестницы начиналась коса – та самая старая дорога, которую Егор видел издалека. Вблизи она оказалась шире, чем казалась: метров восемь, и булыжник местами был покрыт слоем ила, местами – чистый, вымытый, чёрный. По обе стороны тянулись фундаменты. Егор шёл по середине дороги и смотрел на них. Вот здесь был дом. Вот печь – осевшая грудa кирпичей с остатками чугунной плиты. Вот крыльцо: три каменные ступеньки, ведущие в никуда. Вот колодец – круглый сруб, полный чёрной воды.

Где-то здесь был и бабушкин дом. Она говорила – третий от церкви, с правой стороны.

– Сапоги у вас хорошие? – спросил Сомов.

– Нормальные.

– Ближе к церкви будет по щиколотку. Там вода ещё стоит.

Ближе к церкви действительно было по щиколотку. Дорога спускалась чуть ниже, и в углублениях стояла вода – мутная, холодная, с плавающими листьями. Церковь выросла перед ними: огромная, белая, с потёками ржавчины и зелени по стенам. На высоте человеческого роста по всему фасаду тянулась тёмная полоса – след многолетней воды. Выше полосы штукатурка была белой. Ниже – бурой, облезлой, с выступающим кирпичом.

Папёрть – широкое каменное крыльцо с пятью ступенями – вела к западным дверям. Дверей не было: чёрный пролом. На нижней ступеньке, наполовину в воде, лежал человек.

Рядом стоял мужик в высоких рыбацких сапогах и брезентовой куртке, худой, небритый, с красными глазами. Он курил, держа сигарету в кулаке, и смотрел не на тело, а куда-то в сторону, на колокольню.

– Лёха, – сказал Сомов. – Майор Вершинин. Из Следственного комитета.

– Здравсьте, – сказал Лёха, не поворачивая головы.

Егор подошёл к телу.

Пётр Ильич Голованов лежал лицом вниз, головой к воде, ногами к дверям церкви. Как будто вышел из церкви, споткнулся на ступеньках и упал вперёд. Пожилой, худой, в старом коричневом пальто и резиновых сапогах. Седые волосы, редкие на макушке, слиплись. На затылке, чуть правее середины, – рана. Не очень большая. Рваные края, запёкшаяся кровь, которую вода размывала, но не смыла до конца. Лицо – в воде. Руки – вдоль тела, одна подвёрнута под живот.

Рядом, на второй ступеньке, лежал фонарь. Большой, жёлтый, аккумуляторный, с разбитым стеклом.

– Вы его переворачивали?

– Нет, – сказал Сомов. – Пульс на шее пощупал. И всё.

– А вы? – Егор повернулся к Лёхе.

Лёха дёрнул плечом.

– Я что, дурак? Я его увидел – и сразу Петровичу звонить.

– Во сколько вы его увидели?

– Полвосьмого. Я сети ставлю там, за колокольней. Каждое утро снимаю. Иду – а он лежит.

– Вы каждое утро здесь ходите?

– Ну.

– И вчера вечером?

Лёха впервые посмотрел на него. Глаза были мутными, воспалёнными. От него пахло вчерашним перегаром.

– Вечером я дома был. Спал.

Егор присел на корточки у тела. Ступени были мокрые, скользкие, с налётом зелёного ила. Он посмотрел на них. Посмотрел на фонарь. Посмотрел на рану.

Такую рану можно получить, если упасть затылком на камень. Но человек, упавший затылком, лежит на спине. А Пётр Ильич лежал лицом вниз.

Если он упал вперёд, то ударился бы лбом или лицом. А рана была на затылке.

– Следов вокруг много? – спросил он.

– Ночью дождь шёл, – сказал Сомов. – С полвторого, мелкий, до самого утра. Ил размыло. Наши с Лёхой следы есть. Ещё чьи-то – не разберёшь. Тут же в последние недели полдеревни ходит. Туристы. Ребятня. Все смотреть ходят.

Егор встал. Огляделся.

Церковь возвышалась над ним, тёмная, молчаливая. Слева, в двадцати метрах, стояла колокольня – прямо в воде, по колено. Вода вокруг неё была тёмной, неподвижной. А чуть дальше колокольни, к востоку, из воды торчало что-то большое, зеленоватое, округлое – как спина огромной черепахи. Металлическое. Покрытое ракушками и водорослями.

– Это что?

Сомов проследил его взгляд.

– Колокол, – сказал он. – Илья. Главный колокол. Его в сорок первом снимать стали, а он сорвался и упал. Так и лежит. Раньше на глубине был, водолазы приезжали, смотрели. А сейчас вон – край торчит.

– Звонил он, – сказал вдруг Лёха.

Егор обернулся.

– Что?

– Ночью звонил. Илья. – Лёха смотрел на колокол, и лицо у него было серым. – В полночь почти. Три раза. Вся деревня слышала. Спросите кого хотите.

– Колокол, который лежит на боку в воде, – сказал Егор, – звонил?

– Звонил, – тихо сказал Сомов.

Егор посмотрел на участкового.

– Вы тоже слышали?

Сомов кивнул.

– Я у Багровых был, на дне рождения. Мы все слышали. Без двадцати двенадцать. Бум... бум... бум. Низко так. Аж стёкла дрогнули. Алла Викторовна ещё сказала: «Это Илья». И все замолчали.

– Перед смертью звонит, – сказал Лёха. – Все знают. Кто звон со дна услышит...

Он не договорил. Отвернулся и сплюнул в воду.

Егор снова посмотрел на колокол. Зелёная медная спина, облепленная ракушками. Вода плескалась у её края. Ни верёвки, ни языка, ни звонаря.

«Кто услышит звон со дна – того вода к себе зовёт».

– Николай Петрович, – сказал он. – Вызывайте эксперта из Брейтова. И судмедэксперта. Тело не трогать до их приезда. Вокруг церкви никого не пускать. Это убийство.

Сомов не удивился. Он только снял фуражку, провёл ладонью по седым волосам и надел её снова.

– Я так и думал, – сказал он. – Пётр Ильич сюда не гулять ходил. Он к церкви ходил с августа, как вода ушла. Каждый день почти. Что-то искал там. В подклете. Никому не говорил – что.

– Подклет – это подвал?

– Подвал. Под алтарём. Там пролом в стене, с северной стороны. Раньше всегда под водой был. А сейчас – сухо.

Егор подошёл к пролому в западной стене и заглянул в церковь. Внутри было темно, сыро, пахло илом и гнилью. Пол – слой бурой грязи, в которой поблёскивали осколки стекла и черепки. Стены – облупленные, в разводах. А на стенах, высоко, над полосой многолетней

воды, проступали лица. Тёмные, едва различимые лики святых, глядевшие на него сверху огромными пустыми глазами.

Егору стало не по себе. Он не верил ни в бога, ни в чёрта, ни в звонящие колокола. Он верил в протоколы, отпечатки и показания свидетелей. Но сейчас, стоя в проломе затопленной церкви, под взглядом этих полустёртых глаз, он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он вернулся к телу. Лёха всё ещё стоял рядом и курил новую сигарету.

– Алексей, – сказал Егор. – Вы сказали, что каждое утро ставите сети за колокольной. У вас там лодка?

– Ну. У колокольни привязана.

– Ночью вы её не брали?

Пауза. Короткая, на полсекунды. Но Егор её заметил.

– Не брал, – сказал Лёха. – Говорю ж – спал.

– Хорошо. Вас допросят позже. Никуда не уезжайте.

Лёха кивнул и пошёл прочь по косе, к берегу. Шёл он быстро, не оглядываясь, засунув руки глубоко в карманы куртки.

Егор посмотрел ему вслед. Потом – на берег. С обрыва, от креста, на них по-прежнему смотрели люди. Маленькие тёмные фигурки на фоне серого неба. Среди них выделялась одна – высокая женская фигура в белом. Белый пуховик с капюшоном, отороченным пушистым светлым мехом. Женщина стояла чуть в стороне от остальных и смотрела на церковь, прижав руку к груди.

– Кто это в белом? – спросил Егор.

– Алла Викторовна, – сказал Сомов. – Багрова. Хозяйка «Пристани». Пётр Ильич ей как отец был. Она ему с музеем помогала. Казначеем у него была.

Женщина в белом повернулась и медленно пошла прочь от обрыва. Остальные расступились перед ней.

Дождь усилился. Он стучал по воде у ступеней паперти, по спине мёртвого учителя истории, по медной спине колокола, который ночью звонил со дна.

Егор поднял воротник куртки и подумал, что ссылка, кажется, закончилась.

Глава 2

Эксперты приехали в половине первого на старом «Патриоте» районного отдела, забрызганном грязью до самой крыши. Криминалист Шуваев, молодой, сонный, с огромным кофром, и судмедэксперт Тамара Ильинична Рябова – крупная женщина лет пятидесяти пяти в болотных сапогах и вязаной шапке с помпоном. Рябова прошлёпала по косе к церкви, не глядя по сторонам, присела у тела, приподняла голову покойного обеими руками в перчатках и долго смотрела на рану.

– Ну что, – сказала она наконец. – Сам он так не мог. Лежал бы на спине. Ударили сзади. Чем-то тяжёлым и неровным. Камень, кирпич, железяка с острым краем. Один удар. Потом, похоже, он упал лицом вниз, в воду. Был без сознания – и захлебнулся. Это я на вскрытии скажу точно, есть ли вода в лёгких.

– Время?

– Ох, майор. Вода холодная, восемь градусов. Ночью плюс четыре. Очоченение полное. Вчера вечером. От девяти до часу ночи. Точнее не скажу, пока не вскрыю. И после вскрытия тоже не скажу точнее, не надейтесь.

– Колокол звонил без двадцати двенадцать, – сказал Сомов.

Рябова посмотрела на него поверх очков.

– Николай Петрович, ты взрослый мужик. Колокол. Ты ещё скажи – русалки.

– Я сам слышал.

– Мало ли что ты слышал. – Она встала, отряхнула колени. – Забирайте. В Брейтово, ко мне. Завтра к обеду будет заключение.

Тело уложили в чёрный мешок и понесли по косе к берегу. Четверо мужиков из деревни несли его на носилках, увязая в иле, и люди у креста снимали шапки, когда носилки проплывали мимо. Шуваев фотографировал ступени, фонарь, пролом в стене. Потом нашёл на нижней ступени, у самой воды, бурое пятно, которое дождь не успел смыть, и долго соскребал его в пробирку.

– Орудие поищите, – сказал Егор. – Камень, кирпич. Всё, на чём может быть кровь.

Шуваев посмотрел вокруг. На тысячи кирпичей, обломков, камней, раскиданных по косе, по фундаментам, по дну.

– Товарищ майор, – сказал он жалобно.

– Знаю. Ищите вокруг паперти. Метров двадцать. И в воде у ступеней.

В подклет Егор спускаться не стал: Сомов сказал, что пролом узкий и без фонаря и верёвки туда лучше не лезть. «Завтра, – решил Егор. – Сначала люди. Потом подвалы».

Он поднялся по лестнице на обрыв. Люди у креста разошлись, остались только двое: высокий старик в кепке и маленькая сгорбленная старуха на лавочке. Старуха сидела, положив обе руки на палку, в чёрном пальто и тёмно-синем платке, повязанном низко на лоб. Лицо у неё было тёмным, сморщенным, как печёное яблоко, а глаза – светлыми, почти прозрачными, по-детски внимательными. Она смотрела на Егора.

– Здравствуйте, – сказал Егор.

– Здравствуй, – сказала старуха. Голос был тихим, но ясным. – Ты из милиции?

– Из Следственного комитета.

– Всё одно. – Она помолчала. – Петю убили?

Егор не ответил. Старуха кивнула, как будто он ответил.

– Илья звонил, – сказала она. – Я слышала. Я всегда слышу. Я его ещё девчонкой слышала, когда он на колокольне висел. Он у нас один такой был – на всю Мологу. Его за двадцать вёрст слышать было. Звонарь у нас был, дядя Ваня Кузнецов, он в него бил на Пасху – так у баб тесто в квашне поднималось.

Кузнецов. Егор вздрогнул.

– Вы из Ильинского Погоста?

– Оттуда. – Старуха кивнула в сторону церкви. – Вон там мой дом стоял. Левее, у колодца. Видишь колодец? От него четвёртый. Сорокина я. Матрёна Кузьминична. Девяносто четыре мне. Я одна осталась, кто там жил. Больше никого.

– Кузнецовых вы знали? – Егор сам не понял, зачем спросил.

Матрёна Кузьминична посмотрела на него внимательнее. Долго. Её прозрачные глаза скользнули по его лицу: лоб, брови, нос, подбородок.

– Знала, – сказала она медленно. – Их там много было. Дядя Ваня, звонарь. И Стёпа, брат его, кузнец. У Стёпы дети – Колька и Анютка. Анютка со мной в одном классе была. Беленькая. Смешливая. – Она помолчала. – А тебе зачем?

– Моя бабушка, – сказал Егор, – Анна Степановна Кузнецова. Тысяча девятьсот тридцать первого года рождения. Из Ильинского Погоста.

Старуха долго молчала. Потом протянула руку – сухую, лёгкую, как птичья лапка, – и коснулась его щеки. Пальцы были холодными.

– То-то я смотрю, – сказала она. – Глаза Анюткины. И брови. Живая она?

– Умерла. Семь лет назад.

– А я вот живу. – Матрёна Кузьминична убрала руку. – Зачем – не знаю. Бог не берёт. Илья не зовёт. Всех зовёт, а меня – нет. – Она вздохнула. – Иди, внук Анюткин. Работай. Петю жалко. Хороший был. Добрый. Упрямый только. Всё тайны искал. Вот и нашёл.

– Какие тайны?

Но старуха уже отвернулась и смотрела на церковь, и Егор понял, что больше она ничего не скажет. По крайней мере, сейчас.

Сомов ждал его у УАЗа.

– Вам где-то жить надо, – сказал он. – Если тут останетесь. В Брейтово каждый день не наездишься. У меня дом маленький, я с женой и тещей. Гостиница у нас одна – «Пристань». У Багровых. Алла Викторовна сказала, у неё домик свободный есть.

– Она уже знает, что я остаюсь?

– Тут все всё знают, товарищ майор. – Сомов вздохнул. – Деревня.

Гостевой дом «Мологская пристань» оказался большим и красивым: главный дом из толстых, медово-жёлтых брёвен, с высоким крыльцом и резными наличниками, четыре гостевых домика поменьше, баня у самой воды под обрывом, лодочный причал, мастерская, навес для снегоходов. Всё – новое, ухоженное, дорогое. Посреди двора стояла красная металлическая бочка, переделанная в мангал, и на ней ещё лежали вчерашние шампуры.

Алла Викторовна Багрова встретила их на крыльце. Белого пуховика на ней уже не было: она была в тёмно-сером шерстяном платье и вязаной шали на плечах. Лет сорок, высокая, стройная, с гладко зачёсанными тёмными волосами, уложенными в низкий узел. Лицо – спокойное, правильное, без косметики, с чуть покрасневшими веками. Красивая. Такой спокойной, неброской красотой, которая не сразу бросается в глаза, но потом не отпускает.

– Егор Андреевич, – сказала она. Голос был низким, грудным, мягким. – Проходите. Николай Петрович, и вы. Я чай поставила.

В большой столовой главного дома было тепло и пахло пирогами. Длинный дубовый стол, лавки, покрытые домоткаными половиками. Русская печь, выбеленная, с изразцами. На стенах – иконы. Штук шесть или семь, в простых деревянных киотах, тёмные, старинные на вид. Над столом – чёрно-белые фотографии в рамках: затопленная Молога, люди на телегах, церковь с куполами.

– Это всё копии, – сказала Алла, перехватив его взгляд. – Иконы. Заказные. Мы с Тимуром хотели, чтобы было по-настоящему, как в старой мологской избе. Гости любят. Фотографии – подлинные, из музея, Пётр Ильич дал переснять.

Она разлила чай по толстым глиняным кружкам. Поставила на стол блюдо с пирогами. Руки у неё были красивыми, с длинными пальцами и коротко подстриженными ногтями. Руки, которые много работают.

– Простите, я сейчас... – Она села и прижала пальцы к глазам. – Я ещё не могу. Пётр Ильич для меня... Я когда сюда приехала, двенадцать лет назад, никого не знала. Он первым пришёл. Принёс банку мёда. Сказал: «Вы теперь мологжанка, Алла Викторовна. Это навсегда». Он меня в музей привёл. Научил всему. Я у него казначеем была. Ну, громко сказано – казначеем. Взносы собирала, гранты писала, экскурсии водила.

– Экскурсии?

– Мистические туры, – Алла слабо улыбнулась. – «Тайны затопленной Мологи». Для туристов. Легенды, призраки, звон из-под воды. Пётр Ильич ворчал, говорил – балаган. Но деньги шли в музей. На реставрацию.

– Расскажите про вчерашний вечер, – сказал Егор.

Алла кивнула.

– У Тимура был день рождения. Сорок восемь. Мы собрали гостей. Немного, человек десять. Отец Сергей, наш батюшка. Вера Сергеевна Ланская, реставратор из Ярославля, она у нас в музее работает с августа. Николай Петрович. – Она кивнула на Сомова. – Галина Петровна из магазина, она позже пришла, после закрытия. Вадим Борисович Штерн, он у нас живёт, гость, из Москвы. Котовы, пара из Рыбинска, рыбаки, тоже у нас живут. Ну и мы с Тимуром.

– Пётр Ильич?

– Я его приглашала. Сама звонила утром. Он сказал – нездоровится, не придёт. – Алла помолчала. – Голос у него был... усталый. Я подумала – давление.

– Во сколько вы ему звонили?

– Он мне звонил, – поправилась Алла. – Утром, часов в девять. Спрашивал, не могу ли я помочь в понедельник с отчётом по гранту. А я пригласила его на вечер. Он отказался.

– Кто когда уходил с праздника?

Алла задумалась.

– Отец Сергей ушёл рано, в полдесятого. Ему служить утром. Вера Сергеевна – вскоре после него, у неё голова болела. Остальные сидели допоздна. Мужчины в баню ходили, в одиннадцать. Ну и... – Она запнулась. – В без двадцати двенадцать все услышали. Звон. Три удара.

– Вы сказали: «Это Илья».

Алла посмотрела на Сомова, потом на Егора.

– Сказала, – тихо призналась она. – Я его узнала. Я его один раз уже слышала, в августе, когда вода только начала уходить. Ночью. Один удар. Подумала – приснилось. А вчера все слышали. Все.

– Вы верите, что колокол звонит сам?

Алла долго смотрела в кружку.

– Я двенадцать лет рассказываю туристам, что он звонит сам, – сказала она. – И двенадцать лет не верила. А вчера... Я не знаю, Егор Андреевич. Я не знаю, во что я теперь верю.

На крыльце хлопнула дверь. В столовую вошёл мужчина – крупный, плотный, коротко стриженный, с тяжёлым квадратным лицом и чёрными бровями, сросшимися на переносице. В свитере и камуфляжных штанах. От него пахло бензином и табаком.

– Тимур, – сказала Алла. – Мой муж. Тимур, это майор Вершинин.

Багров посмотрел на Егора. Протянул руку. Рукопожатие было крепким, коротким, неприязненным.

– Знаю, – сказал он. – Вся деревня знает. Будете у нас жить?

– Если не возражаете.

– Алла не возражает, – сказал Тимур. – Значит, и я не возражаю. Только у меня просьба, майор. Мои гости приехали отдыхать. Рыбачить. Не надо их по допросам таскать. Котовы завтра уезжают. Штерн – человек солидный. Им эти ваши протоколы...

– Ваши гости – свидетели, – сказал Егор. – Я их допрошу. Сегодня. Котовы уедут, когда я разрешу.

Тимур побагровел. Его тяжёлые брови сдвинулись ещё ближе.

– Вы тут недавно, майор, – сказал он. – Я тут десять лет. Я этот дом своими руками...

– Тимур, – мягко сказала Алла.

Он замолчал. Посмотрел на жену. Потом махнул рукой и вышел, громко хлопнув дверью.

– Простите его, – сказала Алла. – Он не со зла. У него сейчас трудно с делами. Банк. А тут ещё это. И Пётр Ильич... Они с Тимуром ссорились. Из-за берега. Тимур хотел землю у музея выкупить, под причал для катеров. А Пётр Ильич не отдал. Но Тимур его уважал. Правда.

Егор записал в блокнот: «Багров – земля – конфликт». И подчеркнул.

Котовых он допросил в их домике: пожилая пара, муж с женой, оба пенсионеры, бывшие инженеры с Рыбинского моторного завода. Они приезжали в «Пристань» каждую осень на щуку. Вчера сидели за столом с семи вечера и до часу ночи, никуда не выходили, разве что на крыльцо да в баню. Звон слышали. Испугались. Жена плакала. Ни о каком Голованове они не знали, кроме того, что «у вас тут музей, мы ходили в прошлом году».

Штерн принял его в своём домике, номер два, в шёлковом халате поверх свитера. Невысокий, полный, с аккуратной седой бородкой и умными, чуть насмешливыми карими глазами за очками в тонкой золотой оправе. На столе у него стоял ноутбук, лежали каталоги аукционов, стояла бутылка дорогого коньяка.

– Вадим Борисович Штерн, – представился он. – Искусствовед. Коллекционер. Москва. Приехал порыбачить и посмотреть на затопленную Мологу. Говорят, такого больше не увидишь. Вода вернётся – и всё уйдёт ещё лет на пятьдесят.

– Вы рыбачите?

– Пытаюсь. – Штерн улыбнулся. – Без особого успеха.

– Вы были знакомы с Головановым?

– Был в музее. Дважды. Интересная коллекция. Иконы, утварь, документы. Пётр Ильич мне всё показал. Очень знающий человек. Жаль. Очень жаль.

– Вчера вечером вы выходили из-за стола?

Штерн чуть помедлил.

– Выходил покурить. На причал. Минут на двадцать-тридцать. Около десяти. Там красиво: вода, церковь в темноте. Потом вернулся.

– Кого-нибудь видели?

– Никого. Темно было. Тихо. – Он снял очки и протёр их краем халата. – А потом, в полночь, этот звон. Знаете, майор, я тридцать лет занимаюсь церковной стариной. Я слышал сотни колоколов. Но такого – никогда. Как будто из-под земли.

Когда Егор вышел из домика Штерна, уже темнело. Над водохранилищем висели низкие тучи, и сквозь них пробивалась бледная красная полоска заката. Церковь на косе стояла чёрным силуэтом. Колокольня рядом с ней – как поднятый палец.

У калитки «Пристани» его ждала женщина.

Невысокая, в тёмно-зелёной куртке с капюшоном, в джинсах и резиновых сапогах. Русые волосы, собранные в небрежный хвост. Бледное лицо, на котором выделялись большие серые глаза, красные от слёз. Она стояла, обхватив себя руками, и смотрела на него.

– Вы следователь? – спросила она. – Вершинин?

– Да.

– Я Вера Ланская. Реставратор. Мне надо с вами поговорить. Сейчас. – Голос у неё дрогнул. – Пётр Ильич... Я, кажется, знаю, почему его убили.

Глава 3

Музей Мологского края занимал старое здание земской школы: двухэтажное, из тёмно-красного кирпича, с высокими арочными окнами и железной крышей, выкрашенной зелёной краской. На первом этаже – три зала экспозиции. На втором – фонды, кабинет Голованова и маленькая мастерская, которую Пётр Ильич отдал Вере под реставрацию.

Вера отперла дверь своим ключом. Пальцы у неё дрожали, ключ не сразу попал в замок.

– У кого ещё есть ключи? – спросил Егор.

– У Петра Ильича. У меня. И у Аллы Викторовны. Больше ни у кого.

Мастерская оказалась узкой комнатой с одним окном, выходящим на водохранилище. Длинный стол, накрытый белой бумагой. Лампы на штативах. Бутылочки, баночки, кисточки, скальпели, ватные тампоны, лупа на гибкой ножке. И иконы. Восемь или девять тёмных досок, лежащих на столе и стоявших вдоль стены. Некоторые – почти чёрные, другие – наполовину расчищенные: из-под тёмного слоя проступали яркие, свежие, как будто вчера написанные краски. Красный плащ. Золотой нимб. Чей-то строгий глаз.

Вера подошла к одной из икон, стоявшей отдельно на мольберте, и включила лампу.

– «Никола Можайский», – сказала она. – Конец семнадцатого века. Инвентарный номер ЗМ-07. Пожертвована музеем в тысяча девятьсот девяносто четвёртом году жительницей Затопья Евдокией Мухиной. Из часовни в деревне Плишкино. В каталоге девяносто восьмого года есть фотография. Вот.

Она протянула ему распечатку – старую, чёрно-белую, нечёткую фотографию иконы. Святой в полный рост, с мечом в одной руке и храмом в другой. Егор посмотрел на фотографию, потом на икону на мольберте. Одна и та же.

– Ну и? – спросил он.

– Смотрите.

Вера выключила лампу и включила другую – маленький чёрный фонарик. Комнату залил тусклый фиолетовый свет. Икона на мольберте вдруг изменилась. Тёмный лак засветился неровным зеленоватым светом, а в нескольких местах – на плаще святого, на нимбе, по краям доски – проступили тёмные, почти чёрные пятна.

– Это ультрафиолет, – сказала Вера. – Старый лак, настоящий, которому двести-триста лет, в УФ светится вот так – зеленовато, равномерно, мутно. А поздние вмешательства – реставрации, записи, подмалёвки – выглядят тёмными пятнами. По тому, как светится икона, можно прочитать всю её историю. Как по годовым кольцам.

– И что тут написано?

– Тут написано враньё. – Голос у Веры стал жёстким. – Смотрите на лак. Он светится, да. Но не так. Слишком ярко, слишком ровно. Это синтетический лак, тонированный под старый. А вот здесь, – она показала на тёмное пятно у края, – здесь кракелюр. Сетка трещинок на красочном слое. У настоящей старой иконы она образуется веками: доска дышит, левкас усыхает, краска трескается. А тут – трещинки слишком правильные. Одинаковые. Как будто их нарисовали. Или сделали искусственно – высушили икону в печке, быстро, и левкас потрескался. Я такое видела на семинаре. Это называется «состаривание». Фальсификаторы так делают.

Она выключила фонарик и включила обычную лампу. Икона снова стала тёмной, строгой, старинной на вид.

– Это не «Никола» семнадцатого века, Егор Андреевич. Это новодел. Хороший, профессиональный, сделанный очень умелым иконописцем. Года три назад, не больше. Доска старая, но не та – я сравнила с фотографией, у настоящей была трещина вдоль верхней шпонки, а у этой нет. Кто-то подменил икону. Оригинал украли, а вместо него повесили копию.

– Когда вы это обнаружили?

– В четверг. Восьмого. Я начала расчистку, сняла пробу лака и сразу поняла: что-то не то. Лак растворился слишком легко. Взяла УФ – и вот.

– Кому вы сказали?

– Петру Ильичу. В пятницу утром. Больше никому.

Вера опустила на табуретку у стола. Положила руки на колени и сцепила пальцы.

– Он сначала не поверил. Смеялся. Говорил: «Верочка, вы ошиблись, эта икона у нас тридцать лет висит». А потом я ему показала. С лупой. С фонариком. Он смотрел долго. Минут десять. Молча. Потом сел вот сюда, – она кивнула на старое кресло у окна, – и сказал: «Господи». И больше ничего. Я испугалась: он побледнел весь. Я ему воды принесла. Он выпил. Потом сказал: «Верочка, я знаю, кто. Я сам поговорю. Никому не говорите. Ни полиции, ни Алле Викторовне, никому. Дайте мне два дня. Я поговорю с этим человеком. Дам ему шанс покаяться. А после Покрова – решим».

– Он не сказал, кто это?

– Нет. Я спрашивала. Он сказал: «Не надо вам, Верочка. Это наше, мологское. Я сам». – Вера подняла на Егора глаза. – Он сказал «Я знаю, кто», понимаете? Значит, это кто-то, кого он знал. Кто-то из своих. Кто-то с ключами от музея.

Егор помолчал.

– С ключами от музея, – повторил он, – трое. Голованов. Багрова. И вы.

Вера выпрямилась. В серых глазах вспыхнуло что-то острое.

– Да, – сказала она. – И я. Вы думаете, я бы вам это всё рассказала, если бы сама подменила?

– Я ничего не думаю. Я пока считаю.

– Считайте. – Она отвернулась к окну. – Я здесь с августа. «Никола» – новодел трёхлетней давности. Я в это время работала в Ярославле. Это можно проверить.

– Проверю, – сказал Егор. И, помедлив, добавил: – Спасибо, что рассказали. Это важно. Правда.

Вера кивнула, не оборачиваясь.

– Другие иконы вы проверяли?

– Нет. Не успела. Пётр Ильич просил подождать до Покрова. А теперь... – Она закусила губу. – Теперь, наверное, надо проверить все. Здесь их сорок две. Это неделя работы.

– Проверьте. Начните с тех, что подороже. – Егор подумал. – Вы сказали – «после Покрова». Что должно было случиться на Покров?

Вера помедлила.

– Я точно не знаю. Пётр Ильич что-то готовил. Говорил загадками. Весь сентябрь ходил к церкви, в подклет, с фонарём. Однажды пришёл весь в глине, счастливый, как мальчишка, и сказал: «Верочка, четырнадцатого октября, после литургии, мы с вами откроем одну дверь. И вы ахнете. Вам работы будет – на три года вперёд». Я спросила – что за дверь. Он засмеялся и сказал: «Узнаете. Это будет лучший Покров за семьдесят лет».

– Кто ещё знал про эту «дверь»?

– Не знаю. Отец Сергей – наверное. Пётр Ильич с ним часто разговаривал. Алла Викторовна – может быть. Она ему с бумагами помогала, с епархией переписывалась.

Дом Голованова стоял на южном краю деревни, у самой кромки обрыва, – старый пятистенник, обшитый вагонкой, выкрашенный голубой краской, давно облупившейся. Палисадник с засохшими георгинами. Скамейка у калитки. На скамейке сидел молодой человек и курил.

Высокий, худой, сутулый, в дорогой куртке и рваных джинсах. Тёмные волосы, длинная чёлка, падающая на глаза. Бледное, острое лицо. Он поднял голову, когда УАЗ Сомова остановился у калитки, и не встал.

– Кирилл, – сказал Сомов, вылезая из машины. – Внук. Из Ярославля. – И добавил тише, только для Егора: – Вчера приезжал. Я их слышал вечером, часов в шесть. Шёл мимо. Орали

оба. Пётр Ильич кричал: «Ни копейки! Дом – музею! Сам заработаешь!» А этот: «Ты мне жизнь сломал!» – и дверью хлопнул.

Егор подошёл к скамейке.

– Кирилл Голованов?

– Ну.

– Майор Вершинин, Следственный комитет. Примите соболезнования.

Кирилл посмотрел на него снизу вверх. Глаза были красными, но сухими.

– Спасибо, – сказал он без выражения.

– Вы вчера были у деда?

– Был. Приехал в пять. Уехал в семь. Домой, в Ярославль. А сегодня утром мне соседка позвонила. Вот, приехал обратно.

– Вы поссорились с дедом.

Кирилл криво усмехнулся.

– Уже настучали? Ну да. Поссорились. Я денег просил. Он не дал. Сказал – дом завещает музею, а мне – шиш. Я обиделся и уехал. – Он затынулся. – Хотите сказать – я его убил? Из-за дома? За этот сарай мне в Ярославле никто и полмиллиона не даст.

– Я ничего не хочу сказать. В котором часу вы уехали?

– В семь. Я же сказал.

– По какой дороге?

– Через Прозорово. Тут одна дорога.

– Вас кто-нибудь видел?

– Не знаю. Темно было. – Кирилл бросил окуроч в лужу. – Я могу идти? Мне похороны организовывать. Морг, документы. Я тут ни с кем не знаком.

– Идите. Но из района не уезжайте. Завтра вас вызовут на допрос.

Кирилл встал и ушёл в дом, не попрощавшись.

– Врёт, – сказал Сомов, глядя ему вслед.

– Почему?

– В семь от деда уехал – в девять был бы в Ярославле. А соседка ему сегодня в восемь утра звонила, это я знаю, это Нина Шилова, она мне сама сказала. А он здесь был в десять. Из Ярославля до нас – четыре часа. По нашей дороге. Не успел бы. Значит, ночевал где-то рядом.

Егор посмотрел на участкового с новым уважением.

– Проверим.

В доме Голованова пахло старыми книгами, печкой и лекарствами. Книги были везде: на полках от пола до потолка, на столе, на подоконниках, стопками на полу. История, краеведение, богословие, архивные справочники. На стене – портрет: пожилой мужчина с окладистой бородой, в рясе дьякона, с тяжёлым крестом на груди. Подпись карандашом на паспарту: «Отец. Дьякон Илья Голованов. 1946».

Кирилл сидел на кухне и разговаривал по телефону с моргом. Егор не стал ему мешать.

Письменный стол Голованова стоял у окна. На столе – раскрытый ежедневник в потёртой кожаной обложке. Егор надел перчатки и полистал его. Аккуратный учительский почерк, мелкий, с завитушками. Записи на каждый день: «Купить хлеба». «Позвонить в епархию». «Отчёт по гранту – Алле». «Подклет – северная стена, 3 ряд. Кладка 30-х, цем. раствор. Не трогали!»

Последняя фраза была подчёркнута дважды.

Девятое октября, пятница: «Никола – новодел. В. С. права. Господи. Как я мог не видеть? Три года? Кто ещё? Проверить Илью, Покров, Деисус».

И десятое октября, суббота. Последняя запись в его жизни. Короткая, без завитушек, торопливая:

«Позвонить. Дать шанс покаяться. Вечером – к церкви. Проверить – трогали ли».

Егор долго смотрел на эти строчки.

«Вечером – к церкви». Значит, он собирался туда идти. Заранее. Не случайно. Не на прогулку.

«Проверить – трогали ли». Значит, он подозревал, что кто-то мог трогать кладку в подклете. Северная стена, третий ряд.

«Позвонить. Дать шанс покаяться». Кому?

Он перелистнул страницу назад. Ещё назад. Нашёл запись от первого сентября: «Отец перед смертью: под алтарём, в подклете, в северной стене, третий ряд от свода. Сорок восемь лет ждал. Вода ушла! Господи, благодарю».

Между страницами лежал сложенный вчетверо пожелтевший листок. Егор развернул его. Старая бумага, выцветшие фиолетовые чернила, дрожащий почерк:

«Петя. Когда меня не будет. Одигитрию Ильинскую мы с отцом Иоанном в тридцать седьмом, в августе, перед тем как его взяли, положили в подклете, под алтарём, в северной стене, третий ряд от свода, в жестяном ящике, в вощёной холстине, и заложили кирпичом. Никому не сказали. Его взяли через неделю. Меня – через месяц. Никто не знает. Когда вода уйдёт – достань. Отдай Церкви. Не продавай. Не отдавай власти. Это мологская. Это наша. Отец».

И дата: «12.III.1978».

Егор сидел за столом мёртвого учителя и держал в руках письмо мёртвого дьякона. За окном темнело. Над водохранилищем зажглась первая звезда – низкая, мутная, в разрыве туч.

Ильинская Одигитрия. Он вспомнил бабушку. «А у нас в церкви икона была, Егорушка. Богородица Ильинская. Чудотворная. Старая-старая, ещё при Иване Грозном писана. В золотом окладе, с жемчугом. Её к нам из Мологи на крестный ход носили, весь уезд собирался. А потом её спрятали. Батюшка спрятал, когда церкви закрывать стали. И никто не знает – куда».

Никто не знал. Восемьдесят девять лет. Кроме дьякона Ильи. И его сына. И, судя по всему, ещё кого-то.

– Николай Петрович, – сказал он тихо. – Завтра с утра мне нужен этот подклет. С фонарями, с верёвкой, с криминалистом. И нужен отец Сергей.

Сомов, который стоял за его спиной и читал письмо через плечо, перекрестился. Медленно, неумело. Егор впервые видел, чтобы участковый крестился.

– Одигитрия, – прошептал Сомов. – Моя бабка про неё рассказывала. Я думал – сказки.

– Похоже, не сказки.

– Значит, из-за неё?

Егор аккуратно сложил письмо, убрал в пакет для улики и спрятал во внутренний карман.

– Не знаю, – сказал он. – Пока – не знаю.

Но он уже знал, что это не всё. Что в этом деле, как в иконе под ультрафиолетом, проступают тёмные пятна. Подменённый «Никола». Три года. «Я знаю, кто». «Дать шанс покаяться». Внук, который врёт. Хозяин гостиницы, который хотел землю. Антиквар из Москвы, который приехал за неделю до Покрова «порыбачить». И колокол, который звонит со дна.

Он вышел на крыльцо. Ночь была тёмной, безлунной. Где-то внизу, под обрывом, плескалась вода. И далеко, на косе, едва различимая в темноте, белела церковь – как бледное лицо утопленника, глядящее из глубины.

Глава 4

Отец Сергей оказался совсем не таким, каким Егор представлял себе деревенского батюшку.

Высокий, широкоплечий, с короткой тёмной бородой, в которой пробивалась седина, и коротко стриженной головой. Под чёрным подрясником угадывалось крепкое, тренированное тело. Двигался он легко и точно, как человек, привыкший к физической работе или к армии. Лицо – обветренное, жёсткое, с тяжёлым подбородком и неожиданно мягкими, светло-кариими глазами. На правой руке, на тыльной стороне ладони, – старый белый шрам.

Он ждал их у креста в восемь утра, в понедельник, с большим фонарём и мотком верёвки через плечо. Рядом стояли Сомов и криминалист Шуваев, который переночевал у участкового и выглядел ещё более сонным, чем вчера.

– Вершинин, – представился Егор.

– Отец Сергей. – Рукопожатие было твёрдым, сухим. – Палагин Сергей Николаевич, если по паспорту. Николай Петрович сказал – вы нашли письмо дьякона.

– Вы знали о нём?

– Знал. – Отец Сергей помолчал. – Пётр Ильич мне показал в сентябре. На исповеди. Просил никому не говорить до Покрова. Я и не говорил.

– Кто ещё знал?

– Алла Викторовна. Он ей сказал – она переписывалась с епархией, готовила комиссию. Владыка должен был прислать отца Никона, из Ярославля, искусствоведа из музея и представителя Министерства культуры. Четырнадцатого, после литургии. Чтобы вскрыть нишу при свидетелях и под протокол. Чтобы никто потом не сказал, что икону украли или подменили.

– Подменили, – повторил Егор.

Отец Сергей посмотрел на него внимательно.

– Вы что-то знаете?

– Пока – нет. Пойдёмте.

Северная стена церкви выходила на открытую воду, и здесь коса была уже, чем у западного входа: метров пять мокрого песка между стеной и кромкой воды. Пролом оказался внизу, почти у самой земли: несколько кирпичей вывалились из кладки, образовав чёрную дыру размером с небольшое окно. Из дыры тянуло холодом, сыростью и запахом стоячей воды.

– Подклет раньше был жилой, – сказал отец Сергей. – Ну, не жилой – служебный. Там хранили утварь, дрова, свечи. Вход был изнутри, из алтаря, по узкой лестнице. А это пролом – это уже после затопления. Лёд стену подточил.

Он полез первым, ногами вперёд, ловко, как в окоп. Егор – за ним. Пролом был узкий, пришлось лечь на живот и протиснуться боком. Куртка зацепилась за кирпич, что-то треснуло.

Внутри было темно, как в могиле. Луч фонаря отца Сергия выхватил из темноты низкий сводчатый потолок, покрытый бурыми потёками и белыми наростами извести. Кирпичные стены. Пол – слой мокрого ила по щиколотку, в котором что-то хрустело под сапогами. Подклет был маленьким, метров пять на шесть, с двумя толстыми столбами посередине, на которых держался свод. В дальнем углу – обвалившаяся лестница, ведущая наверх, в никуда: проём над ней был заложен обломками.

Шуваев и Сомов протиснулись следом. Стало тесно.

– Северная стена, – сказал Егор. – Третий ряд от свода.

Отец Сергей повернул фонарь.

Северная стена была выложена старым, тёмно-красным кирпичом, крупным, неровным, с толстыми швами серого известкового раствора. Ряды шли ровно, один над другим, до самого свода. Но в одном месте, в середине стены, чуть ниже свода, кладка была другой. Прямоуголь-

ник примерно шестьдесят на сорок сантиметров. Кирпич – того же цвета, но мельче, ровнее. Швы – тоньше, темнее, твёрже на вид. Цементные.

– Тридцатые годы, – сказал Шуваев неожиданно бодрым голосом. – Цемент. Видите разницу? Вокруг – известь, она рыхлая. А тут цемент, советский, он с годами только крепче.

Егор подошёл ближе и посветил своим фонарём.

На серых цементных швах замурованного прямоугольника были царапины. Свежие. Светлые на тёмном. Кто-то пытался расковырять раствор – долотом, стамеской или отвёрткой. В нескольких местах раствор был выбит на сантиметр-два в глубину. В правом нижнем углу один кирпич чуть сдвинулся. Но кладка устояла.

– Это не Пётр Ильич, – сказал отец Сергей. Голос у него стал глухим. – Он ни за что бы не тронул. Он хотел при комиссии. Он мне сто раз говорил.

– Когда вы здесь были последний раз?

– Я? В конце сентября. Пётр Ильич меня приводил. Показывал. Тогда царапин не было. Я бы заметил. Я светил прямо сюда.

Шуваев уже фотографировал. Потом достал пинцет и пакетики и стал собирать с ила под стеной крошки цемента.

– Свежие, – сказал он. – Видите цвет? Внутри раствор светлее, чем снаружи. Снаружи он за восемьдесят лет потемнел от воды. А эти крошки – светлые на изломе. Неделя, может, меньше. Если б месяц назад – уже бы потемнели от сырости.

– Значит, кто-то знал про нишу, – медленно сказал Егор. – Пытался вскрыть. Не смог или не успел. Голованов это подозревал. Он написал в ежедневнике: «Вечером – к церкви. Проверить – трогали ли». Он пришёл проверить. И его здесь...

Он не договорил. Отец Сергей перекрестился.

– Её надо вскрыть, – сказал Сомов. – Сейчас. Пока её не украли.

– Нет, – сказал отец Сергей.

– Нет, – одновременно сказал Егор.

Они переглянулись.

– Если вскроем без экспертов, – сказал Егор, – а там пусто или там не то, – нам никто не поверит. Ни епархия, ни суд. Пусть будет как хотел Голованов. Комиссия, протокол, видеозапись. Батюшка, когда может приехать комиссия?

– Владыка сказал – в любой день, как скажем. Я ему вчера звонил. Он плакал по телефону, – отец Сергей помолчал. – Но отец Никон в Москве до пятнадцатого. Раньше девятнадцатого не соберутся.

– Девятнадцатого так девятнадцатого. Николай Петрович, пролом надо закрыть. Чем-нибудь тяжёлым. Опечатать. И поставить фотоловушку. У охотников же есть?

– У Лёхи есть, – сказал Сомов. – На кабанов. И у меня. Две поставлю.

– Ставьте. Одну на пролом, одну на косу, чтобы видеть, кто идёт к церкви.

Они вылезли наружу. После темноты подклета серый день показался ослепительным. Егор стоял у северной стены, отряхивая куртку, и смотрел на воду. Колокольня в двадцати метрах. Колокол за ней – зелёная медная спина в воде. Чайки сидели на нём, как на камне.

– Отец Сергей, – сказал он. – Где вы были в субботу вечером?

– У Багровых. До половины десятого. Потом домой пошёл.

– Прямо домой?

Священник посмотрел ему в глаза.

– Прямо домой, – сказал он.

И Егор понял, что он врёт. Он не знал, почему понял. Что-то в паузе, во взгляде – слишком прямом, слишком твёрдом, как у человека, который заставляет себя не отвести глаз. Почти двадцать лет допросов. Он видел этот взгляд сотни раз.

Но он ничего не сказал. Только кивнул и записал в блокнот.

В час дня позвонила Рябова.

– Майор. Ну, как я и говорила. Вода в лёгких, в пазухах, в желудке. Утонул. Был жив, когда упал в воду. Но без сознания: следов борьбы, попыток подняться нет. Удар один, по затылку справа, предмет тяжёлый, твёрдый, с неровным краем. Кирпич – вполне. В ране частицы обожжённой глины и извести. Значит, кирпич. Старый. Таких у вас там на косе – миллион.

– Время?

– По желудку – последний раз ел часа за два-три до смерти. Каша гречневая, хлеб, чай. Если знаете, во сколько он ужинал, – прибавьте два-три часа. По температуре и окоченению – с девяти вечера до часу ночи. Ничего нового.

– Что при нём было?

– В кармане пальто – ключи, носовой платок, очки в футляре, валидол. Во внутреннем кармане – телефон. Самсунг, старенький. Мокрый насквозь. Не включается. Я его в пакет положила, отдам вашему Шуваеву.

– Отдайте мне. Я его в Ярославль отправлю. Там есть человек.

– Как скажете. – Рябова помолчала. – Майор. Вы говорили – колокол звонил в без двадцати двенадцать?

– Говорили. Не я.

– Если он ужинал в шесть-семь, как все старики, то в без двадцати двенадцать он был уже часа полтора-два как мёртв. Может, больше. Это я вам неофициально. По желудку. Официально – с девяти до часу.

Егор положил трубку и долго смотрел в окно УАЗа.

Ужин. Кто знает, когда Голованов ужинал?

Кирилл. Кирилл уехал, по его словам, в семь. Ужинали ли они вместе? Вряд ли – орали друг на друга.

Он нашёл Кирилла в доме деда. Тот сидел на кухне над пустой чашкой и смотрел в стену.

– Вы ужинали с дедом в субботу?

Кирилл поднял голову.

– Нет. Он гречку варил, когда я уходил. В полседьмого. Мне предложил – я отказался. Сказал: «Поем и лягу». – Кирилл криво усмехнулся. – Не лёг, выходит.

Полседьмого. А вчера говорил – уехал в семь. Егор отметил это про себя, но вслух ничего не сказал.

Пока сварил, пока поел – семь. Плюс два-три часа – девять-десять вечера. Не без двадцати двенадцать. Раньше.

– Спасибо, – сказал Егор.

– За что? – не понял Кирилл.

Егор не ответил.

Лёха Кривцов жил в покосившемся доме у старого причала, в двухстах метрах южнее креста. Двор был завален сетями, вёслами, канистрами, старыми моторами. У забора стояла облезлая белая «Нива» с самодельным фаркопом. На крыльце сидела худая рыжая собака и не лаяла.

Лёха открыл не сразу. Когда открыл – Егор почувствовал запах водки, крепкий, свежий.

– Опять вы, – сказал Лёха.

– Опять я. Можно войти?

– Не прибрано.

– Я не в гости.

Внутри было не прибрано. Очень не прибрано. Бутылки, тарелки с засохшей едой, грязная одежда на стульях. Телевизор работал без звука. Лёха сел на продавленный диван, Егор остался стоять.

– Алексей, – сказал он. – Вы вчера сказали, что в субботу вечером были дома. Спали.

– Ну.

– А ваша соседка, Кукушкина, говорит, что в субботу без десяти двенадцать ночи ваша «Нива» с включёнными фарами стояла на берегу, у старого причала. И вы цепляли трос к какой-то машине. Красной. Застрявшей в грязи.

Лёха молчал. Смотрел в пол.

– Это машина Кирилла Голованова, – сказал Егор. – Красная «Мазда». Другой красной машины в деревне нет. Николай Петрович проверил.

Лёха долго молчал. Потом потёр лицо обеими ладонями.

– Ну, вытаскивал, – сказал он глухо. – И что? Еду мимо, смотрю – сидит в машине, в грязи, по самые пороги. Пьяный в хлам. Музыка орёт. Я его вытащил. Он мне тыщу дал. Уехал.

– Во сколько?

– Без десяти двенадцать. Где-то так.

– Он сказал, сколько там сидел?

– Сказал – с девяти. – Лёха поднял глаза. – Сказал – хотел к деду вернуться, извиниться, поехал по берегу и застрял. Три часа сидел. Пил. Боялся к деду пешком идти. Плакал там, сопли пускал. «Дед меня проклял, дед меня проклял».

Значит, Кирилл не уехал в семь. Кирилл с девяти до без десяти двенадцать сидел в машине у старого причала. В двухстах метрах от креста. От начала косы. От дороги к церкви, по которой в тот вечер пошёл его дед.

– Почему вы мне вчера не сказали?

Лёха дёрнул плечом.

– А вы спрашивали? Вы спросили – где я был вечером. А это ночью было.

– А вы куда ехали без десяти двенадцать?

– Сети проверять, – быстро сказал Лёха. Слишком быстро. – Рыбнадзор днём ездит. Я ночью проверяю. Все так делают.

– На «Ниве»? Сети же у колокольни. У вас там лодка.

Лёха замолчал. Красные глаза метнулись к окну – туда, где за забором, за обрывом, в темноте стояла церковь.

– Я с лодки уже ехал, – сказал он наконец. – Сети проверил – и домой. Ехал мимо – а там этот.

– Вы были у колокольни около полуночи?

Пауза.

– Был.

– И колокол звонил без двадцати двенадцать.

– Ну.

– Вы были в двадцати метрах от него. Вы что-нибудь видели? Кого-нибудь?

Лёха встал. Подошёл к столу, налил полстакана водки из початой бутылки и выпил залпом, не закусывая. Поставил стакан. Руки у него тряслись.

– Никого не видел, – сказал он, не оборачиваясь. – Темно было. Он сам звонил. Сам. Я рядом был – и никого. Он сам.

Егор смотрел на его спину – худую, сутулую, напряжённую, как у собаки, которая ждёт удара.

– Алексей, – сказал он тихо. – Если вы что-то знаете – лучше скажите сейчас. Пока вас не спросили по-другому.

Лёха не обернулся.

– Идите, товарищ майор, – сказал он. – Я устал. Я спать хочу.

Глава 5

Кирилл не стал отпираться. Он сидел на кухне деда, сгорбившись над столом, и смотрел на свои руки – тонкие, бледные, с обкусанными ногтями. Было девять вечера. За окном шёл дождь.

– Да, – сказал он. – Я не уехал. Я соврал.

– Почему?

– Потому что испугался. – Он поднял глаза. – А вы бы не испугались? Деда убили. А я с ним вечером поругался, вся деревня слышала. И у меня долги. Два миллиона четыреста. Крипта. Я в долг брал, думал – отыграюсь. Не отыгрался. Мне коллекторы звонят каждый день. Вы бы на моём месте сказали, что сидели всю ночь в двухстах метрах от того места, где деда убили?

– Я бы сказал, – ответил Егор. – Потому что всё равно узнают. Рассказывайте. По порядку. Кирилл рассказал.

От деда он ушёл в половине седьмого. Сел в машину. Ехать в Ярославль не хотелось: там ждали коллекторы, пустая съёмная квартира и девушка, которая неделю назад собрала вещи и ушла. У него в машине была бутылка коньяка – вёз деду, в подарок, задобрить. Не задобрил. Он отъехал от дома, остановился на краю деревни, у леса, и стал пить. Прямо из горлышка.

– Часов в девять я решил вернуться. Извиниться. Подумал – подъеду к дому по берегу, там дорога вдоль воды, чтоб соседи не видели. Поехал. А там грязь. Заехал на старый причал – и сел. По пороги. Ни туда, ни сюда. Телефон сел. Я сидел и пил дальше.

– Деда видели?

Кирилл долго молчал.

– Видел, – сказал он наконец. – Он мимо прошёл. С фонарём. По берегу, по тропинке, от своего дома к кресту. Метрах в двадцати от меня. Медленно так. Он с палкой ходил, у него колено. Я узнал его по фонарю. У него такой жёлтый, большой, я ему сам на день рождения дарил.

– Во сколько?

– Не знаю. Без пятнадцати десять. Может, без двадцати. У меня часы на магнитоле. Я посмотрел – девять сорок с чем-то.

– И вы его не окликнули?

Кирилл закрыл лицо руками.

– Не окликнул, – сказал он глухо сквозь пальцы. – Я хотел. Я уже дверь открыл. А потом подумал: он опять скажет, что я никчёмный. Что я весь в отца. Что я ему жизнь испортил. И я закрыл дверь. И сидел. И смотрел, как его фонарь уходит к кресту, а потом вниз, к церкви. А потом я, наверное, заснул. Проснулся – колокол. Бум, бум, бум. Я чуть не умер от страха. А через десять минут фары. Лёха. Вытащил меня. Я уехал в Брейтово, у автостанции в машине поспал. А утром Шилова позвонила.

Он отнял руки от лица. Глаза у него были мокрые.

– Я последний его видел, – сказал он. – Живым. И не окликнул. Понимаете? Если бы окликнул – он бы, может, со мной пошёл. Или я с ним. И ничего бы не было. А я – не окликнул.

Егор молчал. Он видел много раскаяния. Настоящего и поддельного. Он не всегда мог отличить одно от другого. Но это было похоже на настоящее.

Похоже.

– Кроме деда, кто-нибудь ещё проходил?

– Не знаю. Я не смотрел. Я пил.

– Ещё фонари? Люди? Машины?

Кирилл покачал головой.

– Я видел только его фонарь. Больше ничего.

Подполковник Гусев выслушал доклад по телефону из Ярославля, не перебивая. Потом сказал:

– Задерживай.

– Валерий Павлович, он...

– Вершинин, – голос Гусева был усталым и раздражённым. – Внук. Долги два с половиной. Ссора при свидетелях: «Ты мне жизнь сломал». Наследство. Соврал, что уехал. Сидел в двухстах метрах от места убийства три часа, без алиби. Сам признаёт, что видел, как дед шёл к церкви. Пошёл за ним, поругались снова, толкнул, ударил. Потом испугался, вернулся в машину, напился. Что тебе ещё надо? Чистосердечное?

– Мне нужно, чтобы это было правдой.

– Это будет правдой, когда суд скажет. Задерживай на сорок восемь часов. Экспертизу одежды, обуви. Если на нём кровь деда – вопрос закрыт. Если нет – отпустишь. Всё.

Гусев положил трубку.

Кирилла увезли в Брейтово во вторник утром, в половине девятого, на том же грязном «Патриоте». Он сидел на заднем сиденье, бледный, в наручниках, и смотрел в окно на деревню. Люди у магазина провожали машину взглядами. Кто-то крикнул: «Деда убил, гадёныш!» Галина Петровна Зуева, хозяйка магазина, – полная, рыжеволосая, с двойным подбородком и золотыми серьгами – стояла на крыльце, скрестив руки на груди, и громко сказала соседке:

– Я всегда говорила – этот добром не кончит. Весь в отца.

Егор смотрел, как «Патриот» исчезает за поворотом, и чувствовал во рту вкус железа.

Что-то было не так.

Он не мог сформулировать – что. Всё сходилось. Гусев был прав: мотив, возможность, ложь. Классика. Деяносто процентов убийств совершают родственники. В Брейтовском районе – все сто. Но что-то не давало ему покоя. Царапины на нише в подклете. Свежие, недельной давности. Кирилл приехал в субботу. Он не мог царапать нишу неделю назад. И он не знал про нишу: письмо дьякона лежало в ежедневнике, а ежедневник – в доме, куда Кирилл до субботы не приезжал полгода. Значит, нишу царапал кто-то другой.

И «Никола». Подменённый три года назад. Кирилл в музей не бывал. Ключей не имел.

«Я знаю, кто. Дам шанс покаяться». Внуку, которого дед считал никчёмным? Может быть. Но внук не крал иконы.

Значит – двое? Или – не внук?

Вечером Егор зашёл в музей. В окне мастерской на втором этаже горел свет.

Вера сидела за столом под лампой, склонившись над иконой. Перед ней на подставке стоял «Илья Пророк в огненной колеснице» – яркая, нарядная, красно-золотая икона, на которой седобородый пророк мчался на небо в колеснице, запряжённой огненными конями. Вера держала в руке ультрафиолетовый фонарик и не обернулась, когда он вошёл.

– Проходите, – сказала она. – Только дверь закройте. Свет.

Он закрыл дверь. Комната погрузилась в темноту, и в фиолетовом луче фонарика проступила икона: неровный зеленоватый свет лака и тёмные пятна.

– Тоже, – сказала Вера. – Новодел.

Она выключила фонарик и включила обычную лампу. Лицо у неё было серым, усталым. Под глазами – тени.

– «Илья» – новодел, – сказала она. – «Покров» – новодел. «Деисус» – новодел. Четыре. Все четыре, которые Пётр Ильич записал в ежедневник. Он как будто знал. – Она потёрла глаза. – Это четыре самые ценные иконы в коллекции, Егор Андреевич. Кроме них, тут в основном девятнадцатый век, поздние, крестьянские, недорогие. А эти четыре – семнадцатый век,

ярославская школа. Каждая на аукционе – от трёх до восьми миллионов. Вместе – двадцать. Может, больше.

– Двадцать миллионов, – повторил Егор.

– И ещё. – Вера взяла со стола лупу и протянула ему. – Смотрите. Вот здесь, на нимбе Ильи. И вот здесь, на крыле ангела в «Деисусе». И на «Николе». Видите?

Егор наклонился. Под лупой, в золоте нимба, среди мелкого орнамента, был выцарапан крошечный значок. Буква «Д», вписанная в круг. Размером с булавочную головку.

– Подпись, – сказала Вера. – Иконописцы иногда так делают. Тайно. Чтобы потом знать, что это их работа. Чтобы никто не выдал их работу за старинную – или, наоборот, чтобы гордиться, что выдали. Не знаю. Но это подпись. Один и тот же мастер написал все четыре.

– Кто такой «Д»?

– Не знаю. Иконописцев в России тысячи. Я могу поспрашивать коллег. Может, кто-то узнает.

– Пспрашивайте.

Он сел на табуретку у стены. Вера выключила лампу над столом, оставив только маленькую настольную. Мастерская погрузилась в полумрак, в котором поблёскивали золотые нимбы, а со стен смотрели строгие тёмные глаза святых.

– Кирилла увезли, – сказала Вера.

– Да.

– Вы думаете, это он?

– Я думаю, что он сидел в машине пьяный, в двухстах метрах от церкви, видел, как дед идёт туда, – и не окликнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.